

Увольнение

Равноденствие катится колесом.
Вдоль дороги петляет трубопровод.
Пожилой человек с молодым лицом
ранним утром идет на родной завод.

Он допил на рассвете густой кефир.
Он горячей водой сполоснул бутылку.
И на полку поставил как сувенир,
чтобы в ней красовался степной ковыль.

И теперь он идет в шлифовальный цех,
вешним солнцем объят с головы до пят.
На устах его брезжит веселый смех.
И резиною боты под ним скрипят.

Он работает на производстве линз
для биноклей, прицелов, подзорных труб.
И разорванный в клочья расчетный лист
для его понимания слишком груб.

Различенье понятий добра и зла
для него есть специфика высших сфер:

точный срез обработанного стекла,
кривизна, сила фокуса и размер.

И сейчас в приграничных горах Альбурз
чуткий снайпер в его окуляр следит,
как на ослике чахло секретный груз
для коварных бандитов везет бандит.

Равноденствие косится на весну.
День вальяжно сдвигает ночную тень.
Скоро нашу большую как мир страну
словно воды потопа зальет сирень.

Дольше века бесславного длится миг.
В каждой форточке слышен бравурный гимн.
С постаревшим лицом молодой старик
возвращается в полночь совсем другим.

Протирает платочком портрет жены,
отряхает с пальто марсианский луч.
И в плену нарастающей тишины
в проржавевшем замочке вращает ключ.

* * *

Любимая, не пишите письма.
Не посылайте курортную мне открытку.
Я жив и здоров. Не сошел с ума.
Пришлите короткую шерстяную нитку.

Я хочу повязать ее на левой руке.
Двадцать лет назад в суматошной драке
я выбил сустав на Катунь-реке.
Завывали сирены, на горе брехали собаки.

Черт знает в какой свалке, в стране какой
рука моя в прорубь холодную окунулась.
Пощечин не бьют, родная, левой рукой,
но ожидание затянулось.

Мне сказала гадалка двадцать лет назад:
повяжи на запястье простую нитку.
И потом ты достроишь небесный град,
развернешь его схему по древнему свитку.

Я просил о блажи этой, о чепухе
многих женщин. Я лбом им стучал в калитку,
но взамен получал любовь, от ее избытка
готов на петушиной гадать требухе.

Любимая, пришлите мне шерстяную нитку.
Пожалуйста, обыкновенную нитку.
Повторяюсь, родная, всего лишь нитку.
Я на ней не повешусь. Я не умру в грехе.

Не вяжите мне шапок и пуховых рукавиц,
не приучайте к колдовскому напитку.
Я хочу стать одной из окольцованных птиц,
надевшей на лапу твою шерстяную нитку.

Любимая, мне больше не нужно ничего.
У меня слишком просто устроено счастье.
Подвенечная радуга, последнее торжество.
И красная нитка на левом моем запястье.

Конь деревянный, не оловянный конь

Конь деревянный, не оловянный конь,
мохом оброс, перевернул свой воз.
в полночь глухую раскрыта твоя ладонь:
яблоки кубарем катятся под откос

с тайной вершины прохладно бежит вода
на заколдованной мельнице лает пес
время застыло, теперь уже навсегда
в прошлое утекают потоки слез

тихо иголка гуляет в твоей крови
маленькой рыбкой кусает столетний лед
что остается от нашей святой любви
только по речке лебяжье перо плывет

бедный возникший от горя совсем иссох
он разрывает, рыдая, свою гармонию
в темных глазницах коня прорастает мох
конь деревянный, не оловянный конь

в темной душе мужика прорастает стыд
звезды не лезут за словом в его карман
зимним морозом он, словно водой, облит
и разрывает сверканьем сырой туман

он продвигается к станции как слепой
там догорает последний в ночи огонь
если любовь, то ее обретет любой
конь деревянный, не оловянный конь...

Таджичка Гуля (Мемуар)

Меня постриг таджик в салоне красоты,
где пол усеян клочьями причесок.
Я дал ему на чай и подарил цветы,
услышав в сердце странный отголосок.

Испуганно в лицо мне посмотрел таджик,
приняв оборонительную позу,

не в силах угадать, зачем чужой мужик
ему легко в петлицу вставил розу.

Откуда он мог знать, что я увидел свет
в дверную щель забытого июля,
где по проселку я, гоня велосипед,
на раме вез в село таджичку Гулю.

И прижимаясь к ней, как к доброму зверьку,
я бороду вплетал в ряды косичек,
с певуньей ночевал в лекарственном стогу
и слушал с нею крики электричек.

И, верно, как никто она гордилась мной,
когда я проходил на танцы без билета.
И спьяну умолял, чтоб стала мне женой,
и в небеса палил из пистолета...

Линия обороны

Обрывали погоны с штабных кителей,
ордена раздавали красивым цыганам.
И на снег выходя, становились светлей,
улыбаясь вослед цирковым балаганам.

Я успел обвенчаться в ту ночь с медсестрой,
потому что она была доброй как мама.
И наутро вернулся в безрадостный строй,
выдыхая на плац перегар фимиама.

Генерал в мое сердце устало смотрел,
офицеры шутили над розой в петлице.
И один обещал подвести под расстрел,
если долг не верну ему в павшей столице.

Сколько крови пролито на ломберный стол,
сколько водки в насмешливый рот не попало.
И как занавес черный кухаркин подол
опускался на очи хмельного нахала.

Я из Чаплина мчался в мятежный Бердянск,
не надеясь попасть на лечебные грязи.
И товарного поезда каторжный лязг
мне качивал душу в могильном экстазе.

Мимо шли караваны крестьянских подвод,
над тачанкою ныла труба граммофона.
Бабы в море сплавляли тела воевод
и в остывших лиманах стирали знамена.

На погосте скрывался махновцев отряд.
Юнкера окопались в березовой роще.

А попы меж собой о любви говорят
и на баржи сгружают священные мощи.

На прощанье вздохну о лихих господах,
что проносятся в порт на трясущихся дрожках.
Кровоопийцы поют в Воронцовских садах...
И роняют ножи на ледовых дорожках...

Абакан – Тайшет

Отбывает фирменный «Абакан-Тайшет»
с ниточки по миру нам хватит на банкет

на столах шампанское покачнется в такт
радостью пацанскою горести антракт

закричит приветствия грамотный народ
в эру благоденствия поезд нас везет

босяки атасники прыгайте в вагон
торжества участники нынче без погон

будут пальцы веером или карта в масть
за полярным севером скоро наша власть

на дорогу мужества въехал свежий фарш
пусть играет музыка триумфальный марш

руки санта-клауса в голубых тату
да застыла пауза у него во рту

держит сердце жабою у себя в горсти
проявленья жалости нынче не в чести

нам в купе товарищем впишется артист
выдаст одобряющий соловьиный свист

раскумарит пассию на свое фуфло
в нашей гондурасии дурам тяжело

туалеты в поезде для любви тесны
спрятаны на поясе деньги от жены

все отдам за ласковый вожденный взор:
кошелек потасканный, головной убор.

Атас

Чую сердцем, что рядом ужасный зверь.
На прокуренной кухне дымится чай.
Он смотался на волю в другую дверь.
Он промолвил хозяйке «прости-прощай».

Он и сам не ответит себе сейчас
что его научило бежать, скользнуть.
Посмотри на мелькание бабьих глаз,
и они нам со страху укажут путь.

Это здесь он хранился и зимовал,
с папироской у зеркала скулы брил.
И ни слова про дальний лесоповал
даже в пьяной печали не обронил.

Что ей толку гадать про его дела:
возвратился, сорвался с большой цепи,
с чемоданами денег да барахла...
Поглядел исподлобья – бери, люби.

И исчез, как явился, – таков закон.
Вам бы сразу предателя гнать взащей.
Перепрыгнул карниз, пересек балкон,
промелькнул занавесочками этажей.

И спокойно любитесь на ветру
грациозным рассветом в моей стране,
перспективой, дымками фабричных труб,
обнаженной натурой в чужом окне.

А столица растет красотой, жильем,
дарит каждой душе молодой июнь,
но тебе эта жизнь поросла быльем,
раз в Сибири струится река Катунь.

И куда там до музыки высших сфер,
о которой ты грезишь, пока молчишь, –
из отстреленных пальцев твой револьвер
полетит через миг с этих громких крыш.

Мобильник

Поспешно вылетают электрички
на гребень склона с черною травой.
И как зарницы вспыхивают спички
над беспричинной раной ножевой.

Что занесло меня к подножью храма,
на исповедь к немым бородачам?
Не зря когда-то говорила мама,
что мне не надо шляться по ночам.

Вот, догулялся, наглотался пыли.
Бесславно потерял товарный вид.
Пускай отныне по моей мобиле
с моей супругой гопник говорит.

Пусть за меня историю расскажет,
как шел по рельсам в гости пьяный в дым.
В мою постель пускай довольно ляжет
своим невытым телом молодым.

Замок глухой на монастырской лавке.
Звенигород уснул – и не звенит.
И в подворотнях траурные шавки
прилежно лают в меркнувший зенит.

Горят костры весенние по склонам,
отчизна спит на дедовских костях.
И мимолетным парочкам влюбленным
так хорошо на рельсовых путях.